

Джин Тумер

Кровавая луна

I

Из проломов искрошившейся каменной стены, из-под гниющих досок трухлявого пола, сквозь массивные дубовые брусья стропил — вручную, топором, обтёсанные бревна, — вверх, сквозь стропила заброшенной хлопковой фабрики сочится сумрак. Сквозь наползающий сумрак продирается луна. Полная луна, как пылающий факел, озаряет огромные ворота фабрики, проливает в сумерки кровавое зарево, высвечивая вытянувшиеся вдоль единственной улицы негритянские лачуги фабричного поселка. Полная луна — зловещее знамение. Негритянские женщины начинают петь, отводя, заговаривая близкую беду.

Луиза весь день работала на кухне, она возвращается из города белых и поёт, пробираясь по гребню холма. Её кожа — цветом в осенние листья, чуть тронутые первыми холодами деревьев. Младший сын её белых хозяев — Боб Стоун — любит Луизу. Когда люди думают о Луизе и Бобе, им кажется, что Боб покорил её сердце. Когда ласковый жар переполняет Луизу, ей кажется, что Боб покорил её сердце. Том Бэруэл тоже любит Луизу — негр по кличке Большой Том. Но он весь день работает в поле — ему некогда признаться Луизе в любви. Большой Том, громадный и сильный, с легкостью владеет тяжёлым топором, без труда удерживает плуг в борозде, но не может завладеть сердцем Луизы. Или так ему кажется, Большому Тому. Что же удерживает Луизу в посёлке? Сердце, и сердцем она тянется к негру, но Большой Том об этом не знает. Чёрный человек заслоняет белого, когда Луиза думает о Томе и Бобе. Чёрный заслоняет белого в её сердце. Луиза возвращается из кухни белых. Она вспоминает Тома и Боба, спускаясь с холма и тихо напевая. Её песня вспархивает в чёрное небо к дьявольскому лику полной луны.

Странное волнение переполняет Луизу. Она размышляет о Томе и Бобе — кто из них тревожит душу Луизы? Встретиться с Бобом в тростниковом поле? Предложение Тома? — он хочет на ней жениться, — но можно так сделать, что Том промолчит, и отложить свадьбу... значит, и не это. Ни Том, ни Боб не тревожили Луизу, пока её мысли не свели их вместе, — и вот их тени сливаются воедино, скользя облаками по кровавой луне. Смятение захлёстывает

сердце Луизы, её губы дрожат, ритм песни срывается и странно трепещет в тревожной тьме. Собаки слышат изломанную мелодию и начинают жалобно подвывать и скулить, задирая морды к огромной луне. Громко кудахчут проснувшиеся куры, в соседних деревнях то взлаивают собаки, то, будто чувствуя беду, кричат петухи, предвещая посёлку бесовский рассвет. Женщины поют всё громче, неистовей, стараясь заморозить грядущую беду. Луиза подходит к своей маленькой хибарке и устало опускается на ступени крыльца. Луна подымается навстречу тучам, скоро она скроется в их чёрной тени.

Горящая луна — для ниггера. Грешник.

Кровавая луна — для ниггера. Грешник.

Луна выходит из ворот забытой фабрики.

II

С лесной опушки, из глубокого мрака, в низко нависшие над деревьями тучи, вскидывается, тянется дрожащее пламя, растекаясь заревом по тёмному небу. Воздух становится густым и тяжёлым, настоявшись на запахе кипящего варева. Как чёрные, перевитые лентами тени, лежат на земле ароматные стебли — только что скошенный сахарный тростник. Лениво, по кругу, тащится мул — медленно вертится каменный жёрнов, пережёвывая сочные, мясистые стебли. Негр, освещённый керосиновой лампой, то хлещет кнутом усталого мула, то подкармливает тяжёлый и жадный жёрнов. Толстый мальчишка подставляет под жёрнов бадью, сцеживает только что выжатый сок и вперевалку идет к кипящему котлу. Над клокочущим варевом клубится пар, душным дурманом окутывает лес и стелется над крышами негритянского поселка, притулившегося внизу, у подножия холма. Люди, сидящие у мерцающей плиты, тонут в пелене пьянящего тумана, переговариваются, посасывают тростниковые стебли, ждут, когда сварится заветное зелье. Зыбкое зарево разливается по небу, низко нависшему над притихшим посёлком.

Старик Джорджия приглядывает за плитой и котлом, помешивает варево ложкой и рассказывает о белых людях, о былых урожаях, о том, как ночами варят самогон, о сборе хлопка и негритянских девчонках. Том Бэруэл слушает его, сидя у плиты, посмеивается и жуёт ароматный стебель, пока кто-то не вспоминает имени Луизы. Пока кто-то не заговаривает о Луизе и Бобе, и о шёлковых чулках — мол, Луиза-то, а? — чулки-то ей Стоун подарил, не иначе! Раскаленная кровь яростной струёй — нет, не кровь, а кровавое пламя, выплёскиваясь огнём из пылающей печи, неистово ударяет Тому Бэруэлу в голову. Он вскакивает, смотрит на сидящих людей. «Она моя девушка!» Билл Менинг смеётся. Бэруэл рывком подымает его с земли, бьёт — Менинг как мешок оседает вниз. Приятели Менинга подступают к Тому, — крак! — щёлкает раскрывающийся нож... плохо придётся Билловым друзьям — они отступают и скрываются в лесу. С Тома довольно: он прощается с Джорджия и медленно идёт по узкой тропинке, сбегаящей к посёлку по склону холма. Вот в этот-то момент и начинается переполох: в деревнях скулят и воют собаки, испуганно кудахчут проснувшиеся куры, тревожно и протяжно кричат петухи. Тому не по себе. Он остыл после драки, ушёл от пышущей жаром плиты. Его знобит. Он подымает голову — навстречу тучам медленно карабкается в небо луна. Том Бэруэл вздрагивает — Большой Том, никогда не боявшийся ни бога, ни черта. Заставляет себя думать о Луизе. Стоун. Не надо бы! СТОУН. Том входит в посёлок и видит Луизу. Луиза сидит на ступеньках крыльца. Он нерешительно приближается к Луизиной лачуге, притрагивается к полям своей фетровой шляпы, говорит: «Хочу кой-чего обтолковать» — и чувствует, что не знает, о чём говорить, а если и знает, то не может сказать. Суёт ручищи в карманы комбинезона, улыбается и начинает потихоньку отступать.

- Хотел меня увидеть, Том?
— Верно, хотел. В самую точку, Луиза. Увидеть.
— Ну и вот я...
— Ага. И я тоже. Вот. Вот он я. А толку-то что?
— Может, ты чего-нибудь сказать мне хотел?

— Во-во, сказать. Сказать кой-чего. Да ведь слова-то, они как? — иногда в кости играешь: кидаешь, кидаешь — не идет шестёрка. Тоже и слова: не идут, и всё. Вроде я язык от любви проглотил. Вот! — от любви. Лу, дорогая, ты ещё малышка. Лу, малышка, люблю я тебя, Лу! Давно полюбил. Ты ещё совсем была девчонкой — тогда. Вот ты сидишь здесь на крыльце и поёшь, а у меня сердце от любви разрывается. И всегда ты со мной: в лесу ли, в поле — пахать или хлопок собирать — всегда. В сердце со мной, вот оно как. А на будущий год, если Стоун мне поверит — старый Стоун — у меня будет ферма. Понимаешь? — моя! И всё у тебя будет: и шёлковые чулки, и платья... да нет! — ты не думай, что я верю: ну в посёлке-то прищёптывают, мол, откуда чулки, — не верю, не думай. Белые, они что хотят, то негру и сделают. А ты им небось тоже нравишься, Лу. Бобу Стоуну нравишься, а как же, я знаю. Да ведь не так, как в посёлке они там шепчутся, правда?

— Я не знаю. Том, о чём ты толкуешь.

— А то знаешь! Конечно, не знаешь. Я тут уже двоих ниггеров уделал, чтобы и они тоже знали, что не знаешь. Всегда они в посёлке треплют, чего не надо. Да и белые теперь не лютуют, как раньше. И не надо бы — чёрт его знает как не надо! Только не с тобой — я им это не стерплю. Нет, сэр, не стерплю.

— А что ты можешь сделать?

— Сделаю. Как этим двоим.

— Нет, Том...

— Говорят тебе, да! Сделаю. Сказал: сделаю — и всё. Да ладно, это ведь пока не разговор. Лучше ты спой мне, Лу, дорогая, а я буду слушать и беречь тебя, ладно?

Том берёт Луизу за руку. В его твёрдой ладони Луизины пальцы — тонкие и нежные, в огромной ручище. Он присаживается рядом с Луизой на ступеньку — Большой Том рядом с маленькой Луизой. Полная луна вползает на небо и тонет в багрово-фиолетовых тучах. Старуха зажигает керосиновую лампу и вешает её на колодезный журавль. Колодец — напротив Луизы и Тома. Старуха откидывает деревянную крышку и начинает поднимать тяжёлое ведро. Подымая ведро, старуха поёт. В окнах лачуг двигаются тени. Они ложатся черными силуэтами на дорогу, сталкиваются, сливаются и замирают. Люди открывают окна и поют, их тени ложатся на пыльную дорогу. Вся улица поёт, поют Луиза и Том.

Горящая луна — для ниггера. Грешник.

Кровавая луна — для ниггера. Грешник.

Луна выходит из ворот забытой фабрики.

III

Боб Стоун спускается с открытой веранды и ныряет в густеющий сумрак деревьев. Во тьме его белая кожа чуть меркнет, на щеки ложатся лиловые тени. Но Боб — белый до мозга костей, его сознание — сознание белого, во мраке лишь сильнее разгорается его гнев, яростней пламенеет воображение белого. Он проходит мимо старого, обветшавшего флигеля, — когда-то здесь готовили еду для рабов. Стоуну видится: склоняясь к очагу, чёрная Луиза готовит ужин. Боб спокойно приближается к Луизе. Ему не надо хитрить и скрываться. Все ясно, просто, открыто и честно. Он владеет ею, он — полновластный хозяин. Стоун с трудом прогоняет видение. Гаснет раскалённый очаг. Темнота. Но действительность кажется ему мрачной химерой. Его древний род покорился? К дьяволу! Негры принадлежат Стоунам и сейчас. Чёрта с два они принадлежат: ведь ему, Стоуну, приходится таиться, встречаясь с Луизой. Что о нём могут подумать родные? Мать. Сестра. До чего он докатился — вспоминает их, думая о черномазой девке. Боб чувствует — его щеки горят от стыда. Друзья из города, конечно, поймут, но что скажут его знакомые-северяне? Боб всматривается в темень. Он видит, как в их глазах зажигается презрение... Боб растерян... пытается объяснить. Объяснить? Разве они что-нибудь поймут? И где это видано, чтоб потомственный южанин перед кем-то пресмыкался? Объясняться с янки? Да сегодня же ночью он встретится с Луизой и будет любить свою чёрненькую кису. Черномазенькую кису. Приятная девочка. Негритяночка. А что это значит — негритьянка? Чёрт их разберет! Надо бы знать. Что-то в них есть непонятное, в ниггерах. Глянешь — черномазый он и есть черномазый. Послушаешь в церкви — так себе, ниггеры. Потолкуешь — о чём они могут говорить? — урожай, карты, самогон, девки. А ниггера нет, и ничего ты не понял. Только смутно почувствовал — затаённое чёрное. Страшное? Кой чёрт страшное? Глупости. Кто их боится?.. Бэруэл. БЭРУЭЛ. Картвел трепал, что видел их вместе — Луизу и Тома. Нет, сэр, не выйдет. Ни один паршивый

черномазый ниггер во всей Америке не подойдёт к Луизе. Положеньице, чёрт! Потомственный Стоун будет драться с черномазым из-за чёрной девки! В былые времена... Значит, Стоуны отступили? Теперь ему надо тащиться по лесу, в тростниковое поле, чтоб увидеть Луизу. Стоит того. Почему черномазая, а не просто девушка? Нет! До Боба доносится запах тростника. Он видит зарево. Слышит голоса. Собирается пройти по краю поляны — кто-то из негров произносит его имя. Боб останавливается, прижимается к дереву, вслушивается.

— ...Стоит ему только начать...

— Думаешь, он и Стоуна собирается уделять?

— Кто его знает... А ежели пойдёт... считай, что Стоун с концами. Крышка.

— Так-то оно так. Да как посмотреть?

— Стоун — молодой-то, и он ведь не трус. Сможет замолвить за себя кой-чего. Отмахнуться.

— Опять же из потомственных Стоунов. А те умели, уж я небось знаю.

— Вроде как жарковато тут становится для негров.

— Заткнись там ты! Знай, чего треплешь.

У Боба Стоуна горит лицо, как будто он склонился к огню плиты. Как будто он стоит в топке плиты, босой, на кроваво-раскалённых углях. Выскочить! Стоун отчаянно рванулся, с усилием сбросил с себя оцепенение. Теперь он крадётся по краю поляны, в тени деревьев, за гранью зарева, — осторожно пробирается по тёмному лесу, тихо, чтоб не хрустнул под ногой сучок, не шевельнулась ветка... Вот и тропинка, ведущая к негритянскому посёлку. Скорей! Боб стремительно бросается вниз. В середине склона тропинка сворачивает — Боб, ослеплённый вскипающим бешенством, не замечая поворота, мчится вперёд. С шипящим шорохом расступается тростник, твёрдые листья, как свистящие плети, яростно хлещут Стоуна по лицу. Он чувствует во рту солоноватый привкус — рассечённые губы сочатся кровью. Стоун падает, прижимается к земле, скрюченные пальцы зарываются в почву. Влажные прохладные мягкие корни высасывают из его тела лихорадочный жар. Стоун замирает и лежит неподвижно. Бездумно и долго — так ему кажется. Начинает вспоминать. Встреча с Луизой. Боб успокоился. Он медленно встаёт. Идёт по полю к месту свидания. Луизы нет. Понятно! — Бэруэл. Ниггер не дал Луизе прийти. У Боба на висках вздуваются вены. Слюна смачивает шершавый язык. Солёный привкус. Разбитый рот. Боб прикусывает нижнюю губу. Кровь. Чёрная. Не его, не Боба, — Стоун чувствует кровь черномазого. Выдирается из тростниковых зарослей на тропинку. Впереди него к посёлку трусит собака. Боб ничего не замечает, не видит — мчится вперёд. Ослепшая ярость. Собака пытается отпрыгнуть, не успевает — Боб спотыкается и летит на землю. Собака взвизгивает. По всей округе псы начинают подвывать и скулить. Кудахчут куры. Кричат петухи, предвещая огненную ночную зарю; угрюмо ворочается приуснувший Юг, потягивается, открывает мутные глаза — они стекленеют и наливаются кровью. Замолкают певцы. Закрываются окна. Холодная тишина нависает над посёлком, лишь изредка ее взламывают крики петухов. Молчание окутывает Луизу и Тома. Вынырнув из тёмной тишины улицы, перед Томом и Луизой вырастает человек. Том вскакивает.

— Чего надо?

— Я — Стоун.

— Ага, сэр, так. А я — Бэруэл. Чего надо?

Боб Стоун стремительно бросается вперёд. Негр начеку: он отшагивает в сторону, хватая Стоуна за плечо, рывок — Стоун на земле. Том Бэруэл стоит над Стоуном. Ждёт.

— Дай мне встать!

— А я не держу. Только надо вперёд думать, чего делаешь, сэр.

Вокруг несколько неясных фигур. Стоун подымается и яростно Тому: «Дерись как мужчина, ты, Бэруэл, и я тебя уделаю!» Бросается вперёд. Негр начеку: он отшагивает в сторону, рывок — Стоун лежит на земле. Том Бэруэл стоит над Стоуном. Ждёт.

— Отпусти ты, паскуда, ниггер, ты!

— Ну теперь кой-кто кой-чего схлопотал, Боб Стоун, сэр. А ну вставай!

Том подымает Боба с земли, бьёт — слышится частый приглушённый стук, удары сыплются один за другим — чавкающие, липкие, глухие удары, — Стоун шатается, пятится назад, отскакивает и выхватывает из кармана нож.

— Ну, это нашенская игра, Боб Стоун.

Тускло взблёскивает сталь. Миг — горло Стоуна опоясано синеватой вспышкой. Стоуна сотрясает яростная боль. Он роняет нож. Поднимает руку. Зажимает ладонью кровавый полумесяц. Другую руку вскидывает вверх, обхватывает голову и давит на затылок, будто хочет вдавить свою голову в плечи, закрыть рану. Протяжно стонет. С трудом поворачивается и, оступаясь, пошатываясь, тащится вверх по пологому склону, туда, где за гребнем невысокого холма, за перелеском, раскинулся город белых. Негры, видевшие короткую драку, неслышно, крадучись, расходятся по домам. Закрываются двери. Темнеют окна. Рядом с Томом остается только Луиза. Луиза отказывается уходить домой. Её трясёт. Она бьётся в истерику, поскальзывается, ударяется о колодезный журавль и замирает, бессильно склонившись к колодцу. Том стоит неподвижно и молча — будто врос ногами в утопанную землю.

Стоун добрался до города белых. Белые люди бросаются к Бобу. Поддерживают безвольно обвисшее тело.

— Том Бэруэл...

Разворошенный муравейник. Молчание. Слышен лишь шорох шагов. Ружья, револьверы, верёвки, факелы. Керосин. Рокочат мощные моторы. Вспыхивают четыре огненных глаза — слепящие фары двух автомобилей. Машины разворачиваются и выезжают из города. Урчание моторов. Шорох подошв. Шорох перерастает в тяжёлый гул — слышен слитный топот толпы. Гул вползает на гребень холма и, обгоняя людей, вливается в посёлок. Молчание. Тяжкий, давящий гул докатился до каменной фабричной стены, затопил посёлок и недвижно застыл. Том Бэруэл знает — они приближаются, но не может двинуться. За холмом — зарево. Огненные глаза уже на гребне холма. Слепящие фары направлены на Тома. Мгновенная дрожь сотрясает его тело. Том сбрасывает оцепенение и бежит в темноту. Над посёлком повисает угрожающий вой. Том Бэруэл резко оборачивается назад. Теперь он стоит лицом к толпе. Волна белых стремительно катится вниз, врывается в посёлок, захлёстывает Тома. Человек с мертвенно-бледным лицом и дряблыми щеками подскакивает к Тому, почти втыкает ему в грудь дуло ружья.

— А ну, руки назад, ниггер!

Том Бэруэл связан. Его толкают к колодцу. Прикрутить к бадье, плеснуть керосину, поджечь и опустить журавль в колодец. Сразу две смерти одному черномазому. Луизу отшвырнули. Толпа прибывает. Задние теснятся ближе к колодцу. Напирают на передних. Инерция движения. Тома волокут к заброшенной фабрике. Толпа змеится вперёд. Стена. Огромные ворота. Но людей слишком много. Они растекаются вдоль каменной ограды. Тома втаскивают в ворота фабрики. Здесь найдутся и дрова и столб. Белые заполняют фабричный двор, вплёскиваются сквозь проломы в стене. Молчание. Шорох подошв. Ни одного слова. В землю забивают высокий столб. Вокруг столба наваливают доски. Полусгнившие доски обливают керосином. Том Бэруэл накрепко привязан к столбу. Рваная рубашка. Обнажённая грудь. Окаменевшее лицо и застывший взгляд. Остекленевшие глаза и мёртвое лицо. Но неровное дыхание вздымает его грудь — Том ещё жив. Доски поджигают. Взвизгивается

вверх огромное пламя, окутанное чёрным чающим дымом. Толпа взрывается злобным воем и внезапно замолкает. Толпа молчит. Теперь внутри гигантского огня кроваво высвечивается фигура Тома. Его голова прижата к столбу. Высоко поднятая голова негра кажется выточенной из чёрного камня. Толпу окутывает смрад горящей человеческой плоти. Глаза Тома лопнули. Голова Тома падает на грудь. Толпа воет. Вой нарастает, усиливается, ударяясь о каменный забор. Эхо мечется в каменных стенах, вырывается из огромных фабричных ворот и, замирая, катится по улице посёлка. Луиза, сидящая на ступенях крыльца, ничего не слышит, но её глаза медленно открываются. Они видят зарево — кровавую луну, пламенеющую в воротах заброшенной фабрики. Зловещее знамение, полная луна, заливающая посёлок зыбким огнем. В посёлке живет её народ. Где же они сейчас, её братья по крови? Луиза будет петь, чтобы они вышли из лачуг. Может быть, придёт и Том Бэруэл. Луиза будет петь! Ведь в огромных воротах заброшенной фабрики кровавым пламенем разгорается луна.

Горящая луна — для ниггера. Грешник.

Кровавая луна — для ниггера. Грешник.

Луна выходит из ворот забытой фабрики.